

КЛУБНЫЕ ВСТРЕЧИ

Алла ЛАРИОНОВА: РЫБНИКОВ РЕВНОВАЛ МЕНЯ К ГАГАРИНУ

Рез. клуб. - 1999 -
6 марта - 95.

— Знаешь, Ириш, мы так давно знакомы, что даже странно, что даю тебе интервью. Сейчас на меня какой-то повышенный спрос. На удивление. Наверно, у каждой актрисы в жизни бывают периоды и особого взлета, и неожиданной тишины, провала. Это очень болезненно, особенно в нашей профессии. Я по подругам знаю. Ведь всегда ждешь приглашения режиссера, всегда словно на выданье. Но у меня в творческой жизни как-то стабильно все получалось, ровненько.

— Ничего себе ровненько! Блистательно, ошеломляюще ярко, а не ровненько. Ведь все мыслимые премии и награды — твои. Да и дерзну сказать — ты не просто народная артистка, а всенародная. И у тебя не было долгих годов простоя, а уж «тишины» и подавно.

— Просто мне, наверное, везло. И с людьми, и с семьей, и с режиссерами. Ну, а если не было съемок, были концерты, выступления. И аудитории — и многотысячные, стадионные, и — камерные. Да ты и сама все знаешь. Порой мне кажется, что объездила не только Россию, а буквально — весь белый свет.

— Ну, а в последнее время где была?

— Так... Сургут, Ялта, Таганрог, на Байкале была в Иркутске, в Тюмень недавно ездили с Любой Соколовой, ты знаешь, мы давно дружим. И с ней, и с Ларисой Лужиной. На Дальний Восток летала. Меня всегда поражали наши просторы. Так бы и обняла всю Россию-матушку.

— Как у Михаила Светлова в стихах: «...Только сердце все мечется, мечется. Только рук не хватает обнять мне мое человечество?»

— Да, так. Я Михаила Аркадьевича прекрасно помню, мы в Доме литераторов часто встречались, даже как-то пришлось на машине его домой отвезти — он жил тогда в проезде Художественного. Удивительный был человек. В жизни остроумный, лукавый, а поэзия лирическая, до слез. И пил хорошо... Думаю, все-таки он до конца не осуществился.

— Скорее не дали.

— Может быть... А скольким прекрасным актрисам на нашей памяти не дали осуществиться! Какие девочки были: Изольда Извицкая, Катя Савинова... Но об этом лучше потом, не сегодня. Не для интервью, тем более праздничного. Лучше давай — о любви.

— О любви — так о любви. Ты никогда не уставала от поклонения, любви мужчин, любви зрителей?

— Что ты! Разве от этого можно устать? Просто к этому надо правильно относиться. Не как к должному, а как к дару, который надо беречь. На земле никто никому не должен. Красота в конце концов — Божий дар. А у актера — еще и профессия. И надо уметь этот дар отработать. Все хорошее у нас от Бога, а уж глупости — свои. Вот сигареты, к примеру. Как начала курить после Колиной смерти, так и не могу бросить.

— Ты с Рыбниковым была счастлива?

— Ну, счастье — понятие сложное. Для каждого свое. Коля любил повторять: «Любимая женщина, любимый дом, любимая работа». Мы ведь со ВГИКа на одном курсе

учились. А поженились уже потом. Двух дочерей вырастили, как ты знаешь, Аришку и Алену. Елена теперь режиссер на ОРТ. Жаль только внуков нет, хотя, с другой стороны, я не могу ощутить себя бабушкой... Вообще ощущения возраста у меня нет. Вернее есть, но молодого, может быть, даже юного.

— Вот видишь, у Коли все-таки в формуле счастья — женщина на первом месте... А скажи, он дрался из-за тебя? Не на шпагах, конечно, а просто так, как русские мужики дерутся с соперником?

— Всякое было... Как теперь принято отвечать — «без комментариев». Но ревнив был ужасно. Чаше без поводов. Например, очень к Юре Гагарину ревновал. Мы были с ним дружны, вместе встречали праздники, Новый год, куролесили. О нем можно было бы написать отдельный рассказ. Но это потом, потом...

— Ты сказала, что подвозила Светлова на машине. Любишь водить?

— Любила очень. От Марьиной роши, где была наша с Колей квартира, до Мосфильма, до Дома актера, накрутила, наверно,

как до луны. Со мной никто никогда не боялся ездить. Чухрай, Бондарчук, Ежов... Говорили: «Когда за рулем Алуния, жизнь гарантирована».

— Ты хоть когда-нибудь спокойно гуляешь?

— Если честно, то редко. Мы с Колей раньше в Останкино все ходили, подышать, поговорить. Пуделька нашего брали. Там дивно, тихо, птицы весенние. Пахнет землей. И будто слышно, как трава растет. А иногда песни тихонько пели.

— Какие?

— Уходя или подходя к дому, он закидывал голову и махал мне рукой. Помнишь песня была:

*«Иду я бульваром знакомым,
Вот старый наш дом,
три окна горят в вышине.
Я знаю, что ты уже дома,*

*С Аллой Ларионовой мы соседи и,
смею надеяться, друзья. Во всяком случае,
знаю я ее давно и давно люблю.
И потому, узнав, что читатели
«Вечернего клуба» назвали ее самой красивой
женщиной России, я упростила
Аллу Дмитриевну дать интервью.*

*И это наш свет
на седьмом этаже...»*

Забывать не могу. Знаешь, я раньше все успевала. Озорная была, моторная. Ира Скобцева удивлялась даже: «И когда все успеваешь?» И ведь дети были маленькие, и без конца съемки, разъезды. И мужика кормить надо было. Коля любил хорошо поесть, правда, и сам неплохо готовил. Меня мама, коренная москвичка, тоже «московской кухне» обучила. А теперь вот почти не готовлю. После переезда на эту квартиру сервис вон даже не распаковала. Картины не повесила. Вот дочек жду, пусть помогут...

— Зато иконы на месте, у изголовья. И Божья Матерь, и Спас, и свечи...

— Ну, это святое. Ты же знаешь — я крестилась в Иерусалиме. Мы туда со спектаклем ездили — Шалевич был, Вертинская... И вот в одной из поездок я пронзительно поняла, что я — на Святой земле, что я душою — готова. Ведь это Христос сказал: «Не меня выбираете, но я». Так что, видно, и он меня выбрал... А вообще придти к Богу никогда не поздно. Хотя трудное это восхождение, особенно нам, лицедеям.

*Вся прелесть в том,
когда тебя опекают*

— У меня, знаешь, пленка в диктофоне кончилась. Дальше давай без записи.

— Да ты и так половину там вычеркни. Вот я подготовлюсь, у меня две передачи будут по телевидению, тогда специально поговорим. Я архив распакую. Письма великих достану. Покажу приглашения королей, президентов. Ну, в общем, великих мира сего.

— Как ты думаешь, тебе было легче или труднее получить роль, чем другим звездам тех лет?

— Я была первой молодой актрисой, которая вырвалась, как ты говоришь, в «звезды», не имея за спиной мужа-режиссера. В этом смысле Орловой, Ладыниной, Тамаре Федоровне Макаровой было легче. Я не против таких браков — искусству они только на пользу. Но иногда, в тяжелые минуты, я шутила говорила своему Рыбникову: «Надо мне было не за тебя замуж выйти, а за кого-нибудь из режиссеров».

— Твой звездный час?

— Конечно, «Анна на шее». О такой роли можно только мечтать. А какие партнеры! Михаил Жаров, Сашин-Никольский, Грибов, Вертинский... Очень люблю «Двенадцатую ночь».

— Говорят, тебя приглашал сниматься сам Чарли Чаплин?

— Да, он увидел мою фотографию и сказал: эту актрису я бы с удовольствием снял в своем фильме. Он даже прислал мне телеграмму с приглашением на съемки. Но в то время это считали бы изменой Родине.

— А с кино у тебя сейчас как складывается?

— С кино пока туго. Как-то была на Мосфильме — пустые, мертвые павильоны, жутковато даже. Три последних фильма, в которых снималась, канули куда-то в бездну. Проката нет. Ничего не пойму.

— Что доставляет сегодня радость?

— Встречи со зрителями — в первую очередь. Ой, знала бы, как принимают! Аншлаги, залы битком. Цветы, записки. И еще таких слов слушаешься: «Вы наша любовь, наша юность, наша богиня». Ну, разве такое не вдохновляет.

Встречалась
Ирина РАКША

P.S. Накануне Женского дня Алла Ларионова оказалась в больнице. Редакция «ВК» поздравляет первую красавицу России XX века с праздником, с победой в нашем конкурсе и желает актрисе скорейшего выздоровления. Мы любим Вас, Алла Дмитриевна!